

На переломе — эпизод 18 из 27

Если он не ел, то непременно спал где-нибудь: или под лавкой в Камчатке, или в нише коридора под ворохом шинелей. Он был развращен действительно уже до мозга костей. Невозможно описать всех тех гадостей, какие он проделывал с некоторыми из первоклассников, проделывал открыто, так сказать всенародно, нимало не смущаясь вниманием собравшейся публики.

Точно на смех, судьба подарила этому негодяю физиономию настоящего херувима: нежные шелковистые волосы льняного оттенка, большие голубые глаза с длинными, загнутыми вверх ресницами, очаровательного рисунка рот. К тому же он обладал прекрасным голосом и считался в гимназическом церковном хоре постоянным солистом.

Душою партии, инициатором всех совершаемых ею пакостей был бесспорно Мячков, самый изобретательный и самый зловерный член триумvirата. Мячков несомненно носил в себе зачатки лютой наследственной чахотки: об этом говорила его узкая, впалая грудь, землисто-желтый цвет лица, сухие губы, облипшие вокруг резко очерченных челюстей, и большие черные глаза с желтыми белками и нехорошим блеском. Очень может быть, что сознание болезни и смутное предчувствие близкой смерти (он тогда уже покашливал, а умер шестнадцати лет) поддерживали в нем эту нечеловеческую, беспощадную, вечную озлобленность. Своей утонченной жестокостью он возбуждал отвращение даже в тех из старичков, нервы которых, казалось, притерпелись ко всему на свете... Своих жертв он даже не мучил, а прямо пытал обдуманно, постепенно, с очевидным наслаждением, стараясь как можно более продлить этот приятный акт. В нем было что-то ненормальное, болезненное и страшное... Это все чувствовали, но никто не умел свести свои наблюдения даже в метком прозвище.

Одна из любимых штук Мячкова заключалась в том, что он подходил к новичку и заводил с ним длинный дружелюбный разговор. Новичок таял. Между прочим и как будто бы вскользь Мячков хвалил сложение своего собеседника:

А ты, должно быть, очень сильный, братец. Гляди, в будущем году из первых силачей станешь. Только ты, наверно, силу скрываешь. Грудь-то, грудь у тебя какая молодецкая!

Новичок, польщенный комплиментом, краснел от удовольствия и еще больше выпячивал грудь.

Ишь ты, просто как печка, продолжал расхваливать Мячков. Я думаю, если тебя по груди кто ударит тебе это пустяки? А? Наверно, и не почувствуешь?

Правда?

Разумеется, правда, хорохорился новичок. Я... все могу...

Можешь?

Могу!

Вытерпишь, значит?

О! Я! Я все вытерплю!..

Зловещие огоньки в зрачках Мячкова разгорались сильнее, и он спрашивал нежным голосом:

А можно попробовать?

Пожалуйста... Сколько угодно! продолжал храбриться новичок. Валяй, сделай одолжение. Мне это все равно что ничего. И он выгибал грудь колесом.

Тогда Мячков размахивался и изо всех сил ударял наивного хвастуна, но не в грудь, а под ложечку, как раз туда, где кончается грудная клетка и где у детей такое чувствительное место. Несколько минут новичок не мог передохнуть и с вытаращенными глазами, перегнувшись пополам, весь посиневший от страшной боли, только раскрывал и закрывал рот, как рыба, вытщенная из воды. А Мячков около него радостно потирал руки, кашлял и сгибался в три погибели, заливаясь тоненьким ликующим смехом.

Мячков ел очень мало, а сладкого и совсем не мог есть, по причине дурных зубов. Однако для того, чтоб лишний раз насладиться чьим-нибудь горем, он грабил новичков наравне с двумя прочими членами партии, уступая им свою порцию.

Пожалуй, к категории угнетателей можно было отнести и немногочисленную группу солидных. Под солидностью в гимназии подразумевалась несколько напыщенная важность, происходящая от глубокого сознания собственного достоинства; впрочем, тот смысл, который придавали этому слову воспитанники, почти непереводаим на обычный язык. Принадлежа большей частью к порядочным и зажиточным семействам, солидные были настолько сильны и настолько самоуверенны, что умели ограждать себя от насильственных действий отчаянных, форсил и забывал. Солидные очень заботились о своей наружности, танцевали на гимназических балах и создавали господствующую в возрасте моду. Так, например, один год самой модной считалась прическа с пробором на левой стороне и с большим коком, взбитым на правой. На следующий год эту прическу сменила другая ежиком, и весь возраст принялся усердно взьерошивать волосы кверху щетками.

Самыми шикарными панталонами считались штаны с колоколами, то есть узкие, в обтяжку до колен, а от колен расходящиеся вниз трубой. Переделкой казенных панталон в модные штаны с колоколами занимались за умеренное вознаграждение гимназические портные, приходившие каждую ночь чинить

разорванное за день платье.

Даже язык и походку солидные выдумали для себя совсем нечеловеческие.